

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т.С. Соколова

НИУ «БелГУ»

Заслуживает внимания тот факт, что изучение проблемы вариативности картины мира национального языка на синхронном срезе тесно связано с наблюдением фактов разновременных «восприятий и толкований мира», актуализируемых содержанием языковых единиц, в котором присутствуют семантические черты разных хронологических пластов. Сугубо синхронное изучение языковой картины мира мало дает сведений о национальной специфике менталитета. Поэтому не представляется возможным говорить объективно о специфике современных черт национального восприятия мира, если не проводить исследования в диахроническом плане. Проинтерпретируем данное проблемное положение, проведя наблюдение над аксиологической моделью языковых фактов из различных сфер русского языка: ядерной (литературной) и периферийных (разговорно-просторечной, диалектной, сленговой), организующих функционально-семантическое поле с доминантным словом *дерево*. Во времени аксиологическая модель данного поля претерпевает изменения на шкале оценочности. Издревле в сознании человека прочно закрепились положительное восприятие тесной взаимосвязи человека и дерева как доминантной реалии в иерархической структуре растительного мира. Гармония тесных контактов человека как части космобиологического мира с деревьями, на наш взгляд, также своеобразно отражалась в мышлении древних, базировавшегося на мифопоэтическом восприятии действительности. В этом плане примечательна этимологическая версия А.М. Селищева первой части слова *čelovĕk* – *čelo-* через связь с корнем литовского слова *kilti* – «подниматься, возникать». Основное значение корня *čelo-* связано, по мнению ученого, с идеей возникновения, подъема, нарастания: см. для сравнения литовское слово *kelmas* – «ствол дерева». Приведенную версию можно

дополнить следующей этимологической справкой. Архаический пласт представления о взаимосвязи здоровья человека с деревом запечатлен в этимологии родственных слов: *здоров, здоровье, здóрово, здоро́во, здороваться* и др., корень которых, как и слов *дерево, дрoва*, от праславянского слова * *dory-* [Преображенский, 1910 – 1914: 247]. Прежняя мотивированность ассоциации физического благополучия человека с образом дерева закрепились в семантике диалектного слова *раздревиться* – «*стать крепким*», что, естественно, в диалектной картине мира, и не только в ней, осознается позитивно. В течение времени в зависимости от темы и сценария речевых ситуаций оценочное восприятие образа дерева меняется и закрепляется как отрицательное в значении родовой номинации *дерево* и в однокоренных образованиях от нее. *Он дерево деревом* – о человеке: «*туп и глуп или бесчувственен*» [Даль, I: 430]. *Деревянное слово*. Деревянным словом они (русские), - замечает англичанин Ричард Джемс в своей записной книжке в 1618 г., - называют оскорбительные и непристойные слова [Ларин, 1959: 97]. Ср. сочетания: *Деревянное масло* – «*масло низкого качества, не пригодное в пищу*». *Деревянный рубль* – «*плохая из валют*». Негативное восприятие некоторых пород деревьев отразилось в семантике признаков слов, образованных от названий некоторых видов деревьев: *зять ольховый, липовый* (диалектное), *липовая справка* (просторечное). Оценка со знаком «минус», проявляемая по отношению к породам деревьев, перенесена и на материал – фанеру, из которой делают не очень прочную мебель. В переносном значении слово *фанера* функционирует в сленговой фразе *петь под фанеру*, вытеснив омоним *под фонарю* в исходном устойчивом сочетании *петь под фонарю*, т.е. *петь под звуковой фон*. Однако наблюдения над функционально-семантическим полем «*дерево*» показывает, что его современная аксиологическая модель более всего диахронно детерминирована положительной оценочностью. Полагаем, что в языке упрощение на шкале оценочности, сводимое к отрицательному полюсу, процесс не финальный. Размытость, упрощение в негативном ракурсе не может

стать доминантой языка. Его совершенство поддерживается мотивациями, базирующимися на этнических традициях, которые являются признаками только положительной культуры. Позитивная часть аксиологической модели, определяющая диахронный пласт содержания изучаемого функционально-семантического поля, продолжает быть актуальной и на его синхронном срезе в языковой картине мира. Приведенная выше этимологическая версия взаимосвязи человека с миром природы в образе дерева является, по нашему мнению, одним из убедительных объяснений отражения в языке мифа «человек (люди) – дерево (деревья)». Национальные модели мира воплощены у немцев в образе пихты, у поляков – в образе липы, у французов – в образе дуба, в образе леса – у русских. Особо подчеркнем, что в современном сознании русского этноса также продолжает довольно прочно удерживаться изначальное позитивное осмысление корреляции «человек – дерево», которое вербально и акционально актуализируется, например, в устойчивых сочетаниях как информация о нечто важном и существенном: *мировое дерево; дерево жизни; дерево добра и зла. Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни дерево* (Гете. Фауст. Перевод Б. Пастернака). *Дерево познания; генеалогическое дерево языков* (в научной сфере). На наш взгляд, в современной речи весьма частотна репрезентация позитивного полюса в содержании функционально-семантического поля «дерево». *Я лист русского дерева* (И.Д. Сургучев). *Судьба – дерево, по которому мы взбираемся с ветки на ветку* (радио). *Я счастливый человек: построил не один дом, посадил не одно дерево, а сады, сады, сады...* (радио). *Чувство истории приходит при созерцании больших деревьев. Они пробуждают сознание, что мы живем во многовековом пространстве* (Д.С. Лихачев. Телепередача).

Подведем краткие итоги в рассмотрении некоторых сторон поставленной проблемы. Языковая картина мира мозаична в целом и на каждом своем уровне. Толкование содержания языковых единиц определенного среза, объективирующих современное знание человека о реальной действительности,

подготовлено фактами разных хронологических периодов. Наблюдения в диахроническом аспекте над содержанием фрагментов современной языковой картины мира позволяет нам пристальней вглядываться в развитие языка, закреплять нашу языковую память и в какой-то степени избавляться вот языковой забывчивости.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В IV т. – М., 2003.
2. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Р. Джемса. 1618 –1619. – Л., 1959.
3. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. – М., 1910 - 1914.
4. Селищев А.М. Старославянский язык: В II ч. М., 1951 - 1952.

1197 ГОД, ИЛИ «МИР ПЛОХ, ЕГО НАДО ИСПРАВИТЬ»

*В.И. Черкашин
СОФ НИУ «БелГУ»*

**“И тако погыбе царство богохранимаго
Константиняграда и земля Гречьская
в сваде цесарев, ею же обладають фрязи”**

Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году

«Метод поколений» Х. Ортеги-и-Гассета, примененный нами сначала к этнической, а затем культурной истории России [1], в соединении с этногенетическим подходом Л.Н. Гумилёва [2] позволил выделить «первое поколение» русских [3]. Это люди, рождавшиеся с 1197 по 1212 гг. Его лидер –